

# Классовый характер и народность творчества Шекспира

Вопрос об антимарксистских взглядах Нусинова можно считать решенным. Ф. Левин в «Литературной газете» вынужден был признать, что Нусинов оплошавает Ленина и извращает марксизм в области «самых основных вопросов». Поэтому занимать внимание читателя разбором литературной продукции Нусинова нет никакой надобности. Но читатель интересуется не столько Нусиновым и его защитниками, сколько Шекспиром, а статья Ф. Левина, претендующая «выправить дикушину», на наш взгляд, внесла в нее такую путаницу, что вопрос о социальном содержании

Ф. Левин вместе с Нусиновым выдвинули против нас грозное обвинение будто «Кеменов отрицает классовую природу писателей». Нусинов еще кое-как признает, что Кеменов «проговаривается» о классовости Шекспира. Ф. Левин настроен более решительно. Напомним Ф. Левину статью о Шекспире в «Литературном критике», лежащую в основе наших споров с Нусиновым.

«Шекспир, как дворянский писатель, презирает пуританскую буржуазию...» (стр. 226). «И хотя дворянин Шекспир не может быть поставлен в непосредственную и прямую связь с народными движениями... он все же отразил народное возмущение против верхов» (стр. 227). «Шекспир в силу своих классовых предрассудков относится к народу с аристократическим высокомерием, заставляющим его подчас отступать от реалистических принципов» (стр. 231).

В той же статье дворянская тенденциозность Шекспира рассматривается на примерах из «Короля Джона», «Генриха V», «Генриха VI» и т. д. На каком же основании т. Левин, подкапывая Нусинову, заявляет, что у Кеменова «боязнь признать того или иного великого художника дворянским или буржуазным идеологом?».

\* В порядке обсуждения.

творчества Шекспира еще более нуждается в подробном рассмотрении.

XV век английской истории, хотя и не относится непосредственно к шекспировской эпохе, имеет большое значение для понимания творчества Шекспира. После феодализма XIII—XIV веков, с затяжными войнами, голодом, эпидемиями «черной смерти», народной нищетой в результате ряда крестьянских восстаний, — наступает разительная перемена, подготовленная предшествующим экономическим развитием, XV век — этот период позднего средневековья отличается исключительным расцветом мелкого земледелия и ремесла. В этот так называемый «золотой век» английской истории земля Англии «была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами и лишь в отдельных местах между этими поселками заглядывали крупные господские поместья. Такой строй деревни при одновременном расцвете городской жизни, характерный для XV столетия, создал возможность... народного богатства... но возможность капиталистического богатства этим строем исключалась» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 575).

«Труд независимых крестьян шел в их собственную пользу, а сельскохозяйственные рабочие, наряду с наемным трудом, вели самостоятельное хозяйство» (Маркс, там же, стр. 596).

Но недолго длился расцвет народного богатства «веселой старой Англии». В самом этом периоде заложены были причины его упадка: свободная мелкая собственность крестьян и ремесленников была исторической предпосылкой капитализма. Маркс совершенно точно определяет начало переворота, создавшего основу для капиталистического способа производства: последняя треть XV и первые десятилетия XVI столетия. После этого переворота, замечает Маркс, целая пропасть отделяет минувший XV век от XVI века. «Английский рабочий класс, — цитирует Маркс Торнтон, — из своего золо-

того века без всяких переходных ступеней попал в железный век» (Маркс, там же, стр. 576). Этот железный век был веком жизни и деятельности Шекспира.

Народные бедствия, порожденные ужасами первоначального накопления капитала, прекрасно обрисованы великим утопическим социалистом и гуманистом Томасом Мором (лордом-канцлером Генриха VIII), сочинения которого проникнуты горячей заботой народных интересов. Освобожденные крестьяне от прикрепления к земле и освобожденные ремесленники от цеховой зависимости, избавляя их от средневековых форм принуждения, вместе с тем отнимают у них средства производства и лишает всех гарантий существования, которые в известных пределах были обеспечены им старинными феодальными учреждениями. Народное богатство, празднества и веселья смых «старой доброй Англии» в XVI—XVII веках сменились мрачными картинами нищеты и разорения. Основа всего процесса — отнятие земли у крестьянства. Опцы, — писал Томас Мор, — похищают людей, разрушают и опустошают дома, поля и города, обрекают крестьян на бродяжничество, голод и смерть. Разоренные трудящиеся насильственно обращены в бродяг, нищих и воров, жестоко преследуются специальными законами Эдуарда VI. Генриха VIII и Елизаветы: людей, не имеющих работы, ожидают плети, клеймение раскаленным железом, отрезывание ушей, тюрьмы и виселицы. По Голливелду, при Генрихе VIII было казнено свыше 72 000 человек.

«Экспроприация непосредственных производителей», — писал Маркс об Англии, — совершается с беспощадным вандализмом, ее движущими силами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти». Эта экспроприация «вписана в летопись человечества пламенеющим языком меча и огня» (Маркс, там же, стр. 574, 612).

Какой же класс был главным деятелем разорения мелких производителей, главным героем эпохи первоначального накопления в Англии?

То самое пресловутое «капитализирующееся дворянство», идеологом которого Динамов и Нусинов так настойчиво провозглашают Шекспира. Этот класс крупных землевладельцев, возникший еще при Генрихе VIII, находился в полном согласии с буржуазным развитием Англии, так как его земельные владения представляли не феодальную, а буржуазную собственность. Здесь были и разбогатевшие от разгрома монастырских земель королевские фавориты и крупные лендлорды, захватившие обширные земли, и джентри, более мелкие представители знати, нажившие свои состояния путем энергичного огораживания. Ко всем этим группам применимы слова Маркса: «Превращение пашни в пастбища для овец стало лозунгом феодалов». Бесконечный ряд грабей, жестокостей и всяких насильственных действий сопровождал проведение этого лозунга в жизнь».

«Бесстыдные, грязные и мелочные страсти», неразрывно связанные с практикой капитализирующегося дворянства, как будто меньше всего вьются с творчеством гуманиста Шекспира. Но что до этого нашим социологам! Ведь это был тогда прогрессивный класс, он «заведывал» общественным хозяйством. «Надо рассуждать конкретно-исторически» — поучает нас Ф. Левин. Вот именно, т. Левин, надо рассуждать конкретно и исторически, чего вы сами не делаете. Экспроприация английских крестьян и ремесленников при всем своем варварском вандализме была прогрессивна. Но ведь и борьба народа против этой экспроприации была тоже прогрессивной. Почему же, рассуждая о прогрессе, вы берете только одну сторону вопроса, забывая другую, забывая, что этот прогресс шествовал буквально по костям и черепам народа? Это уже, знаете, такая «конкретная история», которую можно найти разве что у Маркса.

\* Читатель простит нам подробность исторического описания, но, к сожалению, наши шекспирологи большей частью дальше ссылок на заговор Эссекса и придворные увеселения Елизаветы не шли в объяснении творчества Шекспира. Их понимание классовой борьбы, как мы уже писали, исключает роль угнетенных масс народа в истории.

Впрочем, у т. Левина всегда есть в запасе самое веское доказательство: он «не шекспиролог». Но его подзащитные Динамов и Нусинов, откуда они взяли, что Шекспир — идеолог обуржуазивающегося дворянства, класса, практику которого Шекспир не только не защищает, но, наоборот, резко осуждает в своих произведениях? Рассмотрим, например, вопрос о деньгах.

«Новая знать, — пишет Маркс, — была дитя своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил» (Маркс, там же, стр. 576). Оценка денег, красной нитью проходящая сквозз все сочинения Шекспира, как небо от земли, далека от жадной наживы нового дворянства. Можно привести множество примеров из произведений Шекспира, где осуждаются деньги как корень всеобщей порчи, как одна из главных причин общественного и личного зла в жизни человека. Деньги — это «вселенская будничина», «сволня», «яд худший для души, убийца гнусный в этом гнусном мире»; деньги разрушают кровные связи, толкают отца на убийство сына, побуждают сына зарезать отца. Деньги делают продажными все человеческие свойства и убеждения. Любовь, дружба, честь, верность, молодость и красота, — все это превращается в товары, которые может купить любой негодяй, вор, выродок, трус, владеющий деньгами. Деньги поэтому извращающая сила, они враждебны личному своеобразию и гармоническому развитию человека и, следовательно, враждебны идеалам шекспировского гуманизма.

Критика золота и денег у Шекспира, столь характерная для всего его творчества и столь противоположная мировоззрению новой знати, не есть обличение некоей абстрактной силы, витающей в воздухе. Шекспир с бесстрашным реализмом изображает людей, сделавших своим богатством «сверкающего плута», своей религией — жажду наживы, своей совестью — погоню за выгодой. В «Короле Дунклохе», например, «выгода» прямо сравнивается с дьяволом:

Красива с лица тот дьявол: в мире он И властвует и выгодой зовется. Наш шар земной не худо сотворен: По ровному он полю равно ходит, Пока поганой выгоды рука, ты же,

Направленная бесом ухищренным, И вкривь и вкось пойдет его кидать,

По прихоти прыжки те направляя. Критика Шекспира направлена против нового дворянства, к которому Шекспир относится с глубоким презрением, противопоставляя ему старых честных аристократов. Можно обвинять Шекспира в том, что он идеализирует старые дворянские доблести, и в этом, безусловно, сказывается его классовая ограниченность, но характерно, что даже в этой идеализации Шекспир хотел бы видеть таких дворян, которые считаются с интересами народа, а не грабят его ради своей выгоды, которые общественные блага ставят выше своих узко эгоистических интересов. Приведем в качестве примера отрывок из «Генриха VI», где Шекспир противопоставляет герцога Гомфри Глостера, честного аристократа, хитрому и опасному карьеристу герцогу Суффолку. Глостер бескорыстен, для него важнее всего интересы Англии и народа: он, будучи лордом-протектором, не только не присвоил себе ни гроша казенных денег, но наоборот:

«Золото из собственной казны, Давы народ избавить от налогов, Истратил я в уплату гарнизонам, Не требуя возврата никогда».

Зато Суффолк действует как типичный представитель новой знати: он огораживает мельфордские выгоны и прогоняет обитателей, пришедших жаловаться на него Глостеру. Он цинично торжует интересами родной Англии, святая Генрих VI свою племянницу Маргариту, чтобы с ее помощью влиять на слабохарактерного короля. Интригам Суффолка мешает честный Глостер, а когда Суффолк и Маргарита убивают его, то народ требует от короля отпущения за смерть Гомфри Глостера и казни «лживого Суффолка». Пойманный народом Суффолк гибнет, сопровождаемый следующими напутственным словом:

... .. Лужа ты, Сток нечистот, чей смрад и грязь мутят Прозрачный ключ, всю Англию поивший.

Теперь зажму разинутый твой рот, Что поглощал богатства края. Губы, Которые лобзали королеву, Пускай теперь лобзают землю: ты же,

Смеявшийся при смерти лорда Гомфри, — Зубами здесь ты будешь скрежетать...

Представители новой знати отлично знают, какими глазами смотрят на них или же ограбленные общины. Немного жать добра Нам от общин, негодования полных, Они, как псы, нас изорвут в клочки... —

говорит Беши, один из фаворитов Ричарда II.

Нет, в тысячу раз более прав В. М. Фриче, когда он отмечает, что творчество Шекспира проникнуто ненавистью к капитализму и идеализацией старого «честного» дворянского строя. Но ученики Фриче Динамов и Нусинов усвоили не эту его правдивую мысль, а ту, что Фриче вывел из отношения Шекспира к капитализму из узко корыстных, эгоистических классовых интересов старого феодального барства. На самом же деле, обращаясь к патриархальной старине, защищая «добрую старую веселую Англию», Шекспир выдвигает в ней те моменты, которые имели во всемирноисторическом смысле гораздо более прогрессивное и демократическое содержание, чем все проявления общественной деятельности капитализирующегося дворянства. Шекспир — представитель той эпохи в истории английской культуры, когда объединение феодальной и денежной аристократии, дворянства и буржуазии еще не устранило народные массы от влияния на политическую и духовную жизнь страны, еще не создало того парламентского крепнизма и всепроникающего духа компромисса, того соединения буржуазного позитивизма и религиозного ханжества, которые так характерны для последующего культурного развития Англии.

Откуда у Шекспира такая горячая ненависть к золоту, деньгам, корыстолюбию, извращающим все человеческие отношения в мире? Кто дал эту черту великому английскому драматургу? Аристократия, охваченная жадной жаждой богатства, купцы, пираты, пуританская буржуазия? Или аnekдотически точная «присловка» — те 28 семейств старого дворянства, которые уцелели после войн Алой и Белой Розы? Утверждения эти были бы бессмысленны. Ненависть Шекспира к нарождающейся власти капитала по-

рождается в глубоком ужасе широких народных масс, неожиданно перенесенных из мира «веселой старой Англии» в железный век первоначального накопления. Обратите внимание на характерные черты народных восстаний конца средних веков, в которых эта ненависть к дьявольской силе золота проявляется с невиданной яркостью. Поджигая, например, дворец герцога Ланкастерского, восставший народ рубил топорами золотые и серебряные сосуды и бросал их в Темзу или в клоаки, растирал в порошок драгоценные камни, до «никто», — говорит летописец, — под страхом смерти не смел что бы то ни было... брать для собственного пользования».

Откуда у Шекспира его гуманистический идеал свободной и развитой человеческой личности? Эту важнейшую черту его творчества нельзя понять, забыв о той борьбе, которую массы английского народа вели против феодализма в XIII и XIV столетиях, добившись в эпоху Возрождения почти полного исчезновения крепостного права и преобладания свободного мелкого хозяйства земледельцев и ремесленников. Все эти глубоко прогрессивные и демократические черты гуманизма Шекспира выросли из условий жизни и борьбы за свое освобождение широкой народной массы.

Но откуда же отчасти возникли и консервативные стороны мировоззрения Шекспира. Чувствуя, что «распалась связь времен», что «не все спокойно в Датском королевстве», Шекспир создает феодально-абсолютистскую утопию. Он верит в идеальное царствование Фортинбраса, способного все исправить и устранить все язвы цивилизации, сохранив в то же время ее положительные стороны. Это глубоко консервативная черта мировоззрения Шекспира, его феодально-патриархальный идеал также тесно связан с иллюзиями самой народной массы, воспитанной веками рабства и подчинения. Одной из самых слабых черт героических восстаний английского крестьянства была патриархальная, наивная вера в добрые намерения короля, во имя которого народ хотел перевешать всех изменников-дворян. Можно было бы упомянуть примеры, показывающие глубокую внутреннюю связь шекспировского творчества с психологией,

предвзвешенными, иллюзиями, а также положительными прогрессивными стремлениями английского народа эпохи Возрождения.

Но значит ли это, что Шекспир является как в своих положительных, так и в своих отрицательных чертах идеологом экспроприованных мелких производителей — трудящейся массы эпохи Возрождения? Подобной чепухи мы никогда не утверждали. Разница между монархическими воззрениями Шекспира и наивными монархическими иллюзиями народа шекспировской эпохи существует, и весьма существенная. Во имя королевской справедливости крестьяне хотели вырезать всех дворян и продавшихся им законников. Наоборот, в монархической утопии Шекспира именно **добрый дворянин** является центральной фигурой политического устройства. Без феодального землевладения Шекспир не мыслит идеального общественного порядка. Поэтому великий английский драматург при всем своем глубоком реалистическом отношении к духам народа был против народных восстаний и резко осуждал их. В этом совершенно отчетливо сказалась классовая позиция Шекспира.

Эта связь положительных и отрицательных элементов подчас весьма сложная. Не все народные черты в творчестве Шекспира **абсолютно** революционные и не все дворянские — **абсолютно** реакционные. Такова живая диалектика истории. Но откуда вовсе не следует, что между реакционными и прогрессивными чертами, между народностью Шекспира и его дворянской ограниченностью не существует объективной разницы. Откуда вовсе не следует, что достоинство творчества Шекспира? Рассуждать так значило бы слишком отвлеченно представлять себе конкретную историю. Отчасти, в известных пределах, дворянский характер мировоззрения Шекспира обусловил некоторые относительные достоинства его произведений. Действительно, исторически существовавший феодальный строй вопреки дворянской утопии Шекспира вовсе не был раем для трудящихся, но в этом обществе аппетиты имущих еще ограничены натуральным хозяйством. Капиталистическое развитие прибавило к ужасам крепостничества «цивилованный ужас чреватого труда». Об этом говорит Маркс в «Капитале», указывая на двойственность прогресса, на его противоречивый характер, на антинародные тенденции, порожденные капиталистическим строем. Вот почему дворянская утопия Шекспира, его идеализация старины не была **абсо-**

лютной ложью, вот почему живое и мертвое в его творчестве могло еще соединиться с явным преобладанием живого.

Три главных вопроса интересуют обычно всякого, приступающего к изучению классического наследия Шекспира и других великих писателей прошлого:

1) в чем состоит народность Шекспира и каково его значение для нас? 2) в чем проявилась классовая ограниченность Шекспира как дворянского писателя, т. е. что в его наследстве принадлежит прошлому, а не будущему? 3) как соединяются в творчестве одного и того же великого художника сила и слабость, прогрессивные и реакционные черты, как они переходят друг в друга и почему этот переход не устраняет, а, наоборот, лишь более резко подчеркивает общий положительный итог нашей оценки Шекспира?

Эта связь положительных и отрицательных элементов подчас весьма сложная. Не все народные черты в творчестве Шекспира **абсолютно** революционные и не все дворянские — **абсолютно** реакционные. Такова живая диалектика истории. Но откуда вовсе не следует, что между реакционными и прогрессивными чертами, между народностью Шекспира и его дворянской ограниченностью не существует объективной разницы. Откуда вовсе не следует, что достоинство творчества Шекспира? Рассуждать так значило бы слишком отвлеченно представлять себе конкретную историю. Отчасти, в известных пределах, дворянский характер мировоззрения Шекспира обусловил некоторые относительные достоинства его произведений. Действительно, исторически существовавший феодальный строй вопреки дворянской утопии Шекспира вовсе не был раем для трудящихся, но в этом обществе аппетиты имущих еще ограничены натуральным хозяйством. Капиталистическое развитие прибавило к ужасам крепостничества «цивилованный ужас чреватого труда». Об этом говорит Маркс в «Капитале», указывая на двойственность прогресса, на его противоречивый характер, на антинародные тенденции, порожденные капиталистическим строем. Вот почему дворянская утопия Шекспира, его идеализация старины не была **абсо-**

лютной ложью, вот почему живое и мертвое в его творчестве могло еще соединиться с явным преобладанием живого.